

СИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В КРАЕ (МАРТ 1917 – НОЯБРЬ 1918 г.)

Исследуется роль движения сибирских областников в процессе складывания сибирской государственности в годы Революции и Гражданской войны. Автор, на основе конструктивистской теории, приходит к выводу, что сибирское областничество, в сущности, являлось сибирским национализмом, стремившимся к созданию сибирского народа и сибирской государственности.

Ключевые слова: сибирский национализм; областничество.

Участие сибирских областников в событиях Революции 1917 г. и Гражданской войны активно изучалось исследователями нескольких поколений. К проблеме обращались В.Д. Вегман, Н.И. Печеных, В.П. Софронов, М.М. Шорников, И.М. Разгон, Е.Н. Бабинова, Л.А. Жадан, М.Е. Плотникова, В.В. Гармиза, В.А. Демидов, М.В. Шиловский, С.А. Красильников, В.Л. Соскин, Е.Н. Косых, И.В. Нам, И.А. Шинкарюк, С.Г. Устинов и другие авторы. Следует отметить, что изучение сибирского областничества подверглось историографическому анализу. Однако нельзя сказать, что областническая тематика более не заслуживает внимания историков: ряд вопросов истории областничества по-прежнему остаются без ответов. Мы согласны с мнением, высказанным в диссертационном исследовании А.В. Двойнева, что «это в первую очередь вопрос о сепаратизме и национализме сибирских областников, по которому исследователи до сих пор не пришли к однозначному выводу» [1. С. 22].

Современный уровень изучения темы требует реализации новых подходов. Так, ведущий специалист по истории сибирского областничества М.В. Шиловский в статье, посвященной историографии вопроса, отметил: «Необходимо в методологическом плане отказаться от попыток рассматривать областничество как четко структурированное политическое движение, и исходить из его надпартийного, надклассового статуса, опирающегося к тому же в политическом плане на слабую политическую дифференциацию сибирской интеллигенции» [2. С. 88]. Данный тезис неоспорим. Но возникает вопрос о теории, на основе которой, соблюдая вышеприведенные замечания, можно продолжить исследование истории сибирского областничества в годы Революции и Гражданской войны в России.

В настоящее время одной из наиболее перспективных теорий понимания этничности и явлений социальной жизни, связанных с нею, является «конструктивистская». Национализм относится к таким явлениям. На наш взгляд, конструктивистскую теорию можно продуктивно применить для изучения истории сибирского областничества. Согласно данной теории, «порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины представляют собой интеллектуальный конструкт писателей, ученых и политиков. Широкое распространение образования и средств массовой информации позволило передавать их идеи самым широким массам. Ключевую роль в мобилизации членов этнической группы на коллективные действия во имя политических или социальных целей играют лидеры, которые нередко преследуют собственные цели и совсем не всегда выражают волю народов» [3. С. 34]. Данная работа является по-

пыткой исследования сибирского областничества с конструктивистских позиций, учитывая значение идеологии движения областников в процессе формирования сибирской государственности 1917–1918 гг.

Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин с самого начала внесли в идеологию областников взгляд на то, что потомки русских в Сибири, смешиваясь с местным населением под влиянием природно-географических факторов, переродились в особый, отличный от русского народа прародителя, тип сибиряка. Еще в статье «Этнологические особенности Сибирского населения», опубликованной в Томских губернских ведомостях за 1865 г., отложившейся в материалах следственного дела, доказывавшего вину «сибирских сепаратистов», о типе сибиряка говорилось: «Этот выработанный тип совокупил в себе свойства азиатских племен со свойствами европейско-русской расы. Утвердивший за собой естественным образом свою самостоятельность, он широким потоком разливается по великой сибирской низменности вплоть до Восточного океана. Он утверждает за собой владычество взамен древних несовершенных рас. Ему-то и суждено в истории мира водрузить великую европейскую цивилизацию среди новых племен, в новозавоеванных землях, которые должны быть его новым Отечеством» [4. Ф. 3. Оп. 15. Д. 18760. Л. 152]. Уже в то время областники рассматривали себя выходцами не из русского, а «сибирского народа», Отечеством которого, соответственно, не Россия, а Сибирь. Поэтому мы согласны с мнением Шиловского об обоснованности наказания областников при всем том, что «дело явно глушили местные власти» [5. С. 239].

И позднее патриарх областничества Г.Н. Потанин развивал взгляды на отличия сибиряков от русских. В 1908 г. он писал: «В климате Сибири прочный залог обособления Сибирского населения, как в физическом, так и в духовном отношениях» [6. С. 266]. Следует подчеркнуть, что он, по существу, имел в виду этническое обособление, говоря: «Климат – самый упорный, самый закостенелый сепаратист, и ничто не помешает ему вопреки шовинистским, обрусительным и т.п. вожделям образовать расу» [6. С. 267]. Характерной чертой историко-этнографического типа (тип сибиряка, идеологически обосновавшийся областниками) или, выражаясь современным языком, этнографической группы, является то, что «в определенных исторических и политических условиях они могут приобретать статус самостоятельного народа или вести борьбу за такой статус» [7. С. 899]. Областники с момента зарождения движения вели речь о культурном, экономическом и, самое главное, политическом (национальном) обособлении сибиряков от русского народа. Учитывая

публичную антироссийскую направленность пропаганды областников в печати, а особенно призывы к насильственному отделению Сибири от России, содержащиеся в изъятых у них прокламациях, с момента возникновения движения, деятельность его участников явно была антигосударственной, сепаратистской и заслуживала сурового наказания исходя из норм действующего в то время законодательства.

Не все сибиряки соглашались с радикальными взглядами Потанина. Так, журнал «Сибирские вопросы», редактировавшийся П. Головачевым, в статье «Новый сборник статей о Сибири» оспаривал мнение Потанина: «Особым типом сибиряка признать нельзя... Г.Н. Потанин – сторонник нераздельной России, но он считает себя культурным сепаратистом. Мало ли не достаёт в самой коренной России, но это ещё не резон отмежевываться от русской культуры и пытаться сделать невозможное – *создать особую культуру, создать особую нацию*» (выд. мною. – А.В.) [8. С. 26–28]. Важно, что современники оценивали культурный сепаратизм Потанина именно как попытку создать особую нацию. Мы понимаем национализм как мировоззрение, идеологию и политическую деятельность, основу которых составляет трактовка нации как высшей ценности и формы общности. Культурно-просветительскую и политическую деятельность Потанина и его последователей – сибирских областников, по нашему мнению, наиболее точно и коротко можно определить как *сибирский национализм*.

Принимая во внимание исторические и общественно-политические взгляды областников на основе конструктивистской теории, *областничество можно определить* как националистическое движение части сибирской интеллигенции, целью которого являлось пробуждение в массе сибирского населения сибирского самосознания и формирования на его основе сибирской государственности и новой нации – сибирского народа. Областничество являлось гражданским национализмом, но в перспективе деятельность областников вела к перерождению гражданской общности сибирского народа в общность этнополитическую, т.к. ни одна нация не может существовать без собственной культуры.

В марте 1917 г. пала российская монархия. Революция стимулировала организацию националистических партий и общественных движений на территории всей бывшей Российской империи. Появление новых областнических групп после февраля 1917 г. на территории региона показано в работе М.В. Шиловского [9].

Новониколаевские областники организовали Союз сибирских республиканцев-федералистов. В обоснование требований автономии края они опирались на идею, выдвинутую Потаниным, об отличии сибиряков от русских: «Этнографически русский элемент вошел в тесное соприкосновение и взаимодействие с различными народами финского и тюрко-монгольского племени и вследствие особых климатических условий образовал из себя особый культурный тип» [10. 15 марта]. Из этого положения выводилось требование Областной думы для самоуправления Сибирью и определялись довольно широкие ее полномочия, отражавшие главные для края вопросы. Именно новониколаевская организация областников-федералистов, по своей политической активности весной 1917 г. опережавшая все

прочие областнические организации, уже в апреле 1917 г. готовясь к выборам в городское народное собрание, выдвинула и активно пропагандировала стратегический лозунг областников – сибирских националистов – «Сибирь – для сибиряков». Радикализм взглядов новониколаевских областников, их желание силами сибиряков творить сибирскую государственность вызывали возражения даже со стороны областников из других городов. Иркутские областники на страницах газеты «Сибирь» высказывались, что лозунг «Сибирь – для сибиряков» сдерживает задачи областничества, и поэтому на знамени сибирских патриотов он должен уступить место другому лозунгу «Сибирь для всех, желающих ее процветания, для всех, желающих работать для нее, будут ли они жить в Сибири или вне ее безразлично» [11. 2 мая].

В рамках конструктивистского подхода чрезвычайно важное значение имеет фигура лидера движения. Г.Н. Потанин после смерти Н.М. Ядринцева стал его общепризнанным идеологом и лидером. Видный областник И.И. Серебренников вспоминал: «Только тем обстоятельством, что в Томске жил в то время Потанин, нужно объяснить то явление, что этот именно город, а не какой-то другой, стал цитаделью сибирского областничества» [12. С. 47]. Областник Н.Н. Козьмин охарактеризовал Ядринцева и Потанина именно как «теоретиков национального движения» [13. 1917. № 6. С. 73], поставив их в один ряд с Щаповым, Костомаровым, Драгомановым. После образования Временного Сибирского правительства – власти государственной, имя Г.Н. Потанина будет использоваться для пропаганды сибирского патриотизма официальными лицами сибирского государства. Так, П.В. Вологодский, председатель Совета министров, в одном из своих выступлений заявлял: «Высокие идеи всегда имеют своих мучеников и муками их освящаются эти идеи. Первым мучеником идеи сибирской самостоятельности и первым автором мысли о Сибирской Областной Думе был наша сибирская гордость, наша слава и живая эмблема независимости Сибири Григорий Николаевич Потанин» [14. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 2. Л. 8].

Если конструктивистская теория применима к деятельности сибирских областников, и если областничество действительно являлось национализмом, то должны были быть люди, для которых самоидентификация «сибиряк» являлась основной. Говоря иными словами, должны были быть носители этничности или национальности «сибиряк». И действительно, немногочисленная группа таких людей существовала. В делегатских карточках Чрезвычайного съезда в Томске социал-демократ В.Е. Писарев в графе «национальность» поставил «сибиряк», эсер Д.Ф. Портягин – «сибиряк-русский» [15. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 1. Л. 101, 107]. В карточках депутатов Сибирской Областной Думы также присутствует национальность «сибиряк», причем один из делегатов с гордостью написал, что «род ведется от дружины Ермака» [15. Ф. Р-72. Оп. 2. Д. 16. Л. 121, 156, 168]. Другой делегат, ответив, что он «великоросс», рядом поставил «считаю себя сибиряком» [15. Ф. Р-72. Оп. 2. Д. 16. Л. 154]. И на съезде, и в Думе многие депутаты в качестве второй самоидентификации указывали «сибиряк». Любопытно, что в официальной статистике декабрьского съезда и Областной Думы лиц с национальностью «сибиряк» не значилось, мандатны-

ми комиссиями они были произвольно причислены к русским.

В рамках идеологии сибирского национализма личность, самоидентифицирующаяся в качестве сибиряка, могла одновременно принять и другие самоидентификации и общественно-политические ориентации. Например, эсер-областник (сибиряк), кадет-областник (сибиряк) и даже инородец-областник (сибиряк). Именно эта гибкость областничества в ходе самоидентификации явилась основой для борьбы за объединение сибиряков на областнической платформе.

Гибкость областничества при самоидентификации явилась и предпосылкой для идейного размежевания внутри движения на два течения. В литературе сделано несколько попыток определить их сущность: «областники-потанинцы, оставшиеся активной силой в кадетских организациях и эсеры-областники»; «традиционное сепаратистское областничество и новообразованное – эсеровское»; «течение кадетов и левое» [2]. Все эти определения не раскрывали сущности течений, т.к. сибирский национализм стремился приобрести надпартийный, надклассовый статус. Эти два течения не были четко структурированы, и их существование было обусловлено преобладанием двух идеологических ориентаций среди подавляющего большинства областников. Исследователи сибирской интеллигенции С.А. Красильников и В.Л. Соскин пришли к выводу «о необходимости использования системы взаимосвязанных категорий в зависимости от конкретной исследовательской задачи» при изучении отдельных аспектов истории интеллигенции и, для характеристики идеологических типов, существовавших среди ее представителей, предложили воспользоваться категориями – «либеральная, социалистическая и т.д.» [16. С. 52]. Это положение, на наш взгляд, может быть использовано при выделении течений сибирского национализма.

Первое можно охарактеризовать как традиционный сибирский национал-либерализм. К числу его апологетов следует отнести Г.Н. Потанина, А.В. Адрианова, И.И. Серебренникова. Его представители в своей деятельности, в первую очередь, отстаивали национальные сибирские интересы, основывавшиеся в их интерпретации на либеральных идеях о правах человека. Другое течение можно охарактеризовать как народившийся в 1917 г. сибирский национал-социализм (не имеет ничего общего с фашизмом). К нему мы причисляем А.Е. Новоселова, М.Б. Шатилова, И.А. Якушева. Это были молодые областники. Разделяя идею сибирского патриотизма, они вместе с тем выступали с социалистическими идеями классовой борьбы, присущими тогда большинству русской интеллигенции. Многие представители этого течения были членами партии эсеров, но отождествлять их деятельность с эсерами полностью нельзя. Они никогда не отрекались от своих областнических взглядов. Оба течения объединял их националистический характер.

Состоявшиеся во второй половине 1917 г. сибирские краевые конференции и два съезда в различных аспектах анализировались многими учеными. Подробно об истории их изучения можно узнать из упомянутой уже историографической статьи Шиловского. Мы проанализируем данные форумы в плане значения

идеологии сибирского национализма для процесса образования сибирской государственности.

В период между мартом и декабрем 1917 г. претензии областников на объединение всех политических сил края на областнической платформе не были безосновательными. Со 2 по 9 августа 1917 г. в Томске проходила Сибирская конференция общественных организаций. Первоначально запланированная организаторами как съезд, она из-за малочисленного состава участников приняла статус конференции. В принятом постановлении звучала идея о необходимости автономии края. Ранее этот вопрос был поднят и разрабатывался сибирскими областниками. Поэтому общественность края воспринимала конференцию как областническую. Газета «Путь народа» отмечала: «Прежде всего, на съезде вскрылись течения областнической мысли новой, революционной формации» [17. 8 августа]. Основным итогом конференции стоит признать решение о подготовке краевого съезда. И эта работа была с успехом проделана.

Благодаря пропагандистской и организационной работе областников состоялся октябрьский областной съезд в Томске. Он проходил с 8 по 17 октября 1917 г. Данному съезду посвящена специальная работа М.В. Шиловского, в которой он согласился с мнением В.В. Гармизы о том, «что никакой политической роли этот съезд не сыграл, потому что неделю спустя Временное правительство было свергнуто и к власти пришли большевики» [18. С. 48]. Между тем современники придавали факту открытия съезда колоссальное значение. «Омский вестник» писал: «Значение этого съезда, являющегося как бы предпарламентом будущего сибирского парламента, Областной Думы – огромно» [19. 8(21) октября]. Видный общественный деятель, редактор «Сибирской жизни» А.В. Адрианов в приветственной речи на съезде заявил: «Как бы ни были невелики результаты настоящего съезда, сам факт его открытия – событие в жизни Сибири» [20. 10 октября]. Почетным председателем съезд избрал Г.Н. Потанина, являвшегося живым символом автономии края. Съезд объявил себя «высшим законодательным органом региона» и, фактически, приступил к организации сибирской государственности. «Положение об областном устройстве Сибири», принятое съездом, должно было составить основу конституции автономной Сибирской республики. В условиях демократического развития края произошло единение большинства его политических сил. «Положение об областном устройстве Сибири» с оговорками, но все же было поддержано большинством сибирских либералов, социалистов и представителей народностей Сибири. Объединив на своей платформе сибирскую общественность, областники приступили к практической работе по созданию сибирской государственности. Следовательно, уже в октябре 1917 г. начался процесс перерождения сибирского культурного сепаратизма в сепаратизм политический. В.В. Журавлев правомерно оценивает созданные съездом Сибирский областной совет и Сибирский областной исполнительный комитет как «первые шаги областников в области государственного строительства» [21. С. 5]. Следует особо подчеркнуть, что именно Областной исполнительный комитет станет организатором

ром чрезвычайного декабрьского съезда в Томске, который создаст органы государственной власти, альтернативные государственным органам власти большевиков. Без октябрьского съезда могло бы и не быть декабрьского, т.к. его некому было бы в столь короткие сроки организовать. Таким образом, процессу складывания сибирской государственности положил начало именно октябрьский съезд в Томске, и в этом было его основное значение. Следует отметить, что октябрьский съезд в Томске стимулировал распространение областнических идей в крае. Сохранилось любопытное письмо из Благовещенска, рассказывающее об организации в городе «Союза сибиряков-федералистов». В нем показано значение октябрьского областного съезда для организации областников в Благовещенске: «В г. Благовещенске на Амуре организовался «Союз сибиряков-федералистов», в основу деятельности которого, пока, приняты положения, выработанные I Сибирским областным съездом 8–17 октября 1917 г.» [22. Ф. 5. Оп. 4. Д. 686. Л. 1].

После октябрьского переворота в Петрограде народы и области России ускорили свое самоопределение. Не осталась в стороне от этого процесса и Сибирь. В сибирской периодике появились первые пропагандистские статьи с требованиями образовать собственную государственность. Например, газета «Сибиряк и крестьянин» в номере от 30 ноября поместила статью «Сибирь и текущий момент». В этой статье содержались призывы «отказаться от согласованности интересов Сибири с интересами европейской России, провозгласив грозный лозунг “Сибирь для сибиряков” и основать собственную самостоятельную Сибирскую республику» [23. 30 ноября]. Этот призыв не был единственным случаем. В уже упоминавшемся письме из Благовещенска содержались аналогичные мысли: «По нашему глубокому убеждению, в видах сохранения Сибири от захвата соседей, единственным исходом в настоящее время является ее отделение от Европейской России. Объявление самостоятельности Сибири, по нашему мнению, ставит вопрос захвата ее недостижимым и, таким образом, дальнейшее самостоятельное существование Сибири рисуется нам в блестящем виде» [22. Ф. 5. Оп. 4. Д. 686. Л. 1]. Эти высказывания носили характер политического сепаратизма и, по своей сути, были националистическими.

Декабрьский чрезвычайный съезд, открывшийся в Томске 6 декабря и завершившийся 15 декабря 1917 г., главными итогами которого стали решения о провозглашении автономии края и об образовании сибирской государственной власти под социалистической вывеской, одновременно ознаменовал раскол сибирского общества. Областничество перестало играть всеобщую консолидирующую роль после принятия данной вывески. Был отброшен основной принцип, который должен лежать в основе национализма – надклассовость. С этой точки зрения выход Г.Н. Потанина из образованного съездом Областного совета был закономерным поступком сибирского националиста-либерала. Он следующим образом объяснил этот шаг: «Я прихожу к выводу, что к обновлению Сибири должны быть призваны все слои сибирского населения без различия веры, племени и достатка» [20. 31 декабря]. Сибирские

кадеты, приветствуя идею создания краевой организации для защиты Сибири, считали, что «чрезвычайный съезд сконструировал власть из однородной социалистической части демократии, как раз встал на путь, на котором стояли деятели центральной России – путь, доведший этот центр до полного развала во всех отраслях жизни, разделивший все население нашего отечества на два враждующих лагеря. Таковой власти не может оказать доверия, а тем более активной поддержки другая часть демократии Сибири» [24. 7 января]. Таким образом, и сибирские областники-либералы, и либералы, лишь проявлявшие некоторое сочувствие к идеям областничества, были отторгнуты съездом.

Вместе с тем следует признать, что, несмотря на социалистическую вывеску, приоритет на съезде был отдан сибирскому национализму. Сбылась заветная мечта областников. Были приняты решения о созыве Сибирской областной думы и образовании временного сибирского правительства – Областного совета. У руля на съезде оказались областники-социалисты нового поколения. Своей политикой по отношению к ценовым элементам они раскололи сибирское общество и исключили всякую возможность создания единого антибольшевистского фронта на областнической платформе. И только с этого момента между областниками-либералами и областниками-социалистами окончательно произошло политическое размежевание. На страницах журнала «Вольная Сибирь» в редакционной статье, посвященной десятой годовщине разгона большевиками Областной думы, было сделано признание, что «лишение ценовой общестственности представительства в Сибирской думе являлось большой ошибкой» [25. С. 4].

Сибирские форумы, прошедшие во второй половине 1917 г., по составу участников были областными, но по духу и целям собравшихся – областническими. Принятые под воздействием областнической идеологии на съездах решения дали старт процессу образования Сибирской республики.

После установления в регионе советской большевистской власти, разгона Сибирской областной думы областники, независимо от их либеральной или социалистической ориентации, встали ей в оппозицию. Пожалуй, самым знаменитым актом антибольшевистской пропаганды в тот период было воззвание-листовка Г.Н. Потанина «Сибирь в опасности». Воззвание было широко известно в регионе. В своем обращении Потанин указывал на вступление в пределы края с Востока иностранных войск и призывал жителей Сибири к объединению на областнической платформе, на основе сибирских, а не общегосударственных российских интересов: «Призываю сибиряков отбросить в сторону меркантильные заботы и все свои помыслы обратить на защиту областных интересов, отбросить на время в сторону политические лозунги, которые разъединяют нас, и соединиться исключительно на почве интересов Сибири» [4. Ф. 1015. Оп. 3. Д. 14. Л. 1]. Интересы Родины в интерпретации сибирского националиста Потанина были не русскими, а сибирскими.

Основным результатом деятельности областников в этот период с декабря 1917 г. по май 1918 г. следует признать образование альтернативных большевистским органов власти, руководствующихся областнической идеологией. В случае падения советской власти ее про-

тивники имели бы уже сформированные властные структуры, готовые к управлению краем.

Свержение власти Советов и последовавшее за этим провозглашение Временным Сибирским правительством Декларации о государственной самостоятельности Сибири от 4 июля 1918 г. определили переход областничества в статус государственной идеологии. «Будущий историк должен однозначно отметить, что в 1918 г. существовала самостоятельная сибирская республика» – вспоминал Г.К. Гинс [26. С. 121]. В основе государственной идеологии Сибири мог лежать только сибирский патриотизм, пропагандировавшийся областниками. Уже в упомянутой выше речи П.В. Вологодский заявил: «Сибирское Временное правительство вышло из недр Сибирской Областной Думы, этой давнейшей мечты сибирских патриотов. Сама идея сибирской автономии, которая породила Сибирскую областную думу, уже давно была затаенной мыслью лучших сынов нашей Родины. Она является плотью от плоти и кровью от крови того социально-политического течения общественной мысли начала второй половины XIX в., которое именуется в истории областничеством» [14. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 2. Л. 8].

С укреплением власти Временного Сибирского правительства усиливались позиции либерального течения областничества, которое в глазах противников советской власти не было скомпрометировано социалистическими заигрываниями с массами. Представители этого течения приняли активное участие в деятельности новой власти. Местонахождение правительства в Омске обусловило рождение в городе беспартийной группы сибиряков-областников, с которой официальные государственные лица поддерживали тесный контакт. Так, 14 июля 1918 г. состоялось собрание группы под председательством министра колонизации и земледелия Н.И. Петрова, на котором выступил с докладом управляющий делами правительства Гинс, заявивший, что областничество «имеет в населении прочные корни и сибирское правительство будет искать опоры в этом течении» [27. 18 июля]. Председатель организации сибиряков-областников И.П. Толмачев указал в своем выступлении: «Сибирь является независимой республикой» [27. 18 июля], и далее отметил: «Я лично более склонен думать, что федерация – мертворожденное дитя, по моему убеждению, на месте России появится союз славянских государств, в котором будет находиться, как самостоятельное тело, и наша Сибирь» [27. 18 июля]. Омская «Заря» в статье «У истоков национал-либерализма» наиболее точно, по нашему мнению, оценила сущность либерального течения областничества и, в частности, омской группы на тот момент: «...в трех следующих плоскостях: создание независимой политической партии – национализм (областничество) – либерализм» [27. 29 июля]. Подчеркнем, что областничество представлено в статье как разновидность национализма.

Для националиста важно достичь образования собственного национального государства. Чтобы установить его легитимность, необходимо максимально раздвинуть историческое прошлое своего народа. Н.Н. Козьмин выдвинул идею об исторических корнях сибирского народа: «Сибирский патриот конца XVII или начала XVIII в. очень характерно высказал пожелание, чтобы наше *сибирство* вовеки пребывало. Очевидно, что под «сибирством» он подразу-

мевал совокупность сибирских граждан с их особыми интересами, обычаями и стремлениями» [13. 1918. № 1. С. 40]. В действительности речь шла об этнической общности в современном ее понимании. На этой исторической основе областники внедряли в политическую практику лозунг «Сибирь для сибиряков» и признавали «объективные условия для отделения Сибири от России» [28. С. 63].

Но политическое положение областничества к лету – осени 1918 г. коренным образом изменилось. Если осенью 1917 г. движение реально претендовало на объединение основных общественно-политических сил региона на своей платформе, то теперь оно являлось знаменем антибольшевистского лагеря в Сибири, где каждая сила ясно осознавала свои цели. Основные российские политические партии не заходили так далеко в вопросе об образовании самостоятельных государств на территории бывшей империи. Кадеты не шли дальше автономии, эсеры выступали за федерацию. Собственно же областники в тех условиях выступали как минимум за сохранение политической автономии края, как максимум – за создание Сибирского государства, что было неприемлемо для общероссийских партий. Другие народы Сибири осознали свои национальные задачи и самостоятельно выступили на политическую арену. В статье «Нужна ли инородцам автономия?» Саха Огото высказал следующую мысль: «Инородческий вопрос теперь должен вступить в новую стадию своего развития. Его разработку и практическое разрешение должны взять непосредственно и кровно заинтересованные в нем люди – сами инородцы» [29. 30 (17) июля].

Осенью 1918 г. в регионе находилось большое число беженцев из Европейской России. Поэтому собственно сибирская интеллигенция, на тот момент являвшаяся носителем областного самосознания и хранителем сибирской государственности, растворилась в массе русской, которая боролась с большевиками за восстановление российской государственности. В.Л. Соскин и С.А. Красильников выявили волну миграции в Сибирь первой половины 1918 г., состоявшую в основном из офицерства [30. С. 221]. П.В. Вологодский 7(20) октября 1918 г. описал в своем дневнике визит к нему управляющего Министерством внутренних дел С.С. Старынкевича, докладывавшего следующее: «В армии много россиян, которые никак не могут понять какого-то обособления сибиряков и не сочувственно относятся к бело-зеленому флагу» [31. С. 115].

Противостояние Временного Сибирского правительства и Областной думы, достигшее своего апогея осенью 1918 г. и закончившееся добровольно-принудительным самороспуском Думы, являлось и проявлением борьбы двух обозначенных выше течений областничества. Участник тех событий М.А. Кроль следующим образом охарактеризовал позиции сторон: «Социалистическая группа, с одной стороны, и автономисты – с другой, представляли собой два исключаящих друг друга мировоззрения, две противоположные тактики. Социалистические группы стояли за укрепление Сибирской областной думы как высшего законодательного органа края, за увеличение его престижа, за установление тесной связи между нею и широкими народными массами и за скорейший созыв Учредительного собрания. Автономисты же рвались в бой с

большевиками и лелеяли мечту о военной диктатуре» [32. С. 78]. В той политической обстановке авторитет социалистического течения областничества был низок. Областники-либералы, работавшие тогда во властных структурах, поддержав идею восстановления единой и неделимой России, отделились от задач сибирского национализма, подчинив их общероссийским. В этих условиях набирала силу тенденция к ликвидации национально-государственных образований. С образованием Временного всероссийского правительства – Директории, сибирские националисты согласились на самоликвидацию сибирской республики, т.к. считали, что «нельзя было идти на Москву с областническими лозунгами» [33. С. 22]. С появлением декларации от 3 ноября 1918 г. «О передаче верховной власти на территории Сибири Временному всероссийскому правительству» сибирский национализм теряет свое политическое значение, т.к., во-первых, он перестает быть государственной идеологией, во-вторых – не имеет большого числа своих сторонников. После 3 ноября 1918 г. областничество было отброшено от политического сепаратизма к культурному, для которого, в свою очередь, в условиях наступившей диктатуры не было благоприятных условий для развития. Подчеркнем, что

это произошло и с другими националистическими движениями вне зависимости от того, к какой разновидности национализма они принадлежали: этническому, например киргизскому, или гражданскому – сибирскому. С этого момента воссоздание «Единой и неделимой России» было предрешиено. Вопрос стоял лишь об идее, на основе которой это произойдет.

Гражданский национализм сибирских областников проявлялся в том, что в их идеологии и деятельности на первом месте стоял вопрос обретения краем политической автономии, с перспективой создания в будущем независимого сибирского государства. Сибирская государственность должна была способствовать перерождению сибирского народа из общности гражданской в общность этническую, т.к. прочность этого государства напрямую зависела от того, удастся ли посеять в среде сибиряков идею об их отличии от русских европейской России. Поэтому творцы сибирского национализма вели целенаправленную работу над созданием структурных элементов сибирского культурного пространства, которые должны были стать основой формируемой сибирской этнической общности, которая понималась ими, как «совокупность сибирских граждан с их особыми обычаями, интересами и стремлениями».

ЛИТЕРАТУРА

1. Двойнев А.В. Отечественная историография сибирского областничества (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006.
2. Шиловский М.В. Сибирские областники в 1917 г.: к историографии проблемы // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всерос. конф., посв. 120-летию Томского государственного университета / Отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. Т. II. С. 88–99.
3. Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
4. Государственный архив Омской области (ГАОО).
5. Шиловский М.В. Дело сибирских областников 1865 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1998. № 6. С. 229–246.
6. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 260–294.
7. Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. 928 с.
8. Новый сборник статей о Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 31–32. С. 15–28.
9. Шиловский М.В. Сибирские областники и организации неонароднических партий // Из истории революции в России (первая четверть XX в.): Материалы Всерос. симп. / Отв. ред. Л.И. Боженко. Томск: ТГУ, 1996. Вып. II. С. 189–197.
10. Свободная Сибирь. 1917. 15 марта.
11. Сибирь. 1917. 2 мая.
12. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1937. Т. 1. 86 с.
13. Козьмин Н.Н. Областничество // Сибирские записки. 1917. № 6.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
15. Государственный архив Томской области (ГАТО).
16. Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение советской власти (1917 – лето 1918). Новосибирск: Наука, 1985. 253 с.
17. Путь Народа. 1917. 8 августа.
18. Шиловский М.В. Первый Сибирский областной съезд (октябрь 1917 г.) // Вопросы истории Сибири XX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.В. Шиловского. Новосибирск, 1998. С. 42–57.
19. Омский Вестник. 1917. 8 (21) октября.
20. Сибирская жизнь. 1917. 10 октября.
21. Журавлев В.В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): От «автономной Сибири» к «возрожденной России» // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1: Сибирская контрреволюция в годы Гражданской войны. Новосибирск: Изд-во НИИ МОО НГУ, 1997. С. 3–30.
22. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).
23. Сибиряк и Крестьянин. 1917. 30 ноября.
24. Сибирский Листок. 1918. 7 января.
25. Памятная дата // Вольная Сибирь. Прага, 1928. № 3. С. 3–9.
26. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин: Общество Возрождения России, 1921.
27. Заря. Омск, 1918. 18 июля.
28. Оба. Сепаратизм // Сибирские записки. 1918. № 4. С. 58–67.
29. Народная газета. 1918. 30 (17) июля.
30. Красильников С.А., Соскин В.Л. Об особенностях борьбы за интеллигенцию в восточных районах страны (1917–1920 гг.) // Интеллигенция и революция XX век. М.: Наука, 1985. С. 217–224.
31. Дневник П.В. Вологодского // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 115.
32. Кроль М.А. Сибирское правительство и Сибирская областная дума // Вольная Сибирь. Прага, 1928. № 4. С. 69–83.
33. Серебренников И.И. К истории Сибирского правительства // Сибирский Архив. 1929. № 1. С. 5–22.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 июля 2008 г.